

ЖИЗНЕРАДОСТЬ, ЯРКО...

К гастролям украинских артистов

Киевляне приехали к нам с обширным и разнообразным репертуаром. В нем представлены и произведения наших современников, и оперетты, сделавшиеся уже классическими. В нескольких постановках театра, которые довелось мне посмотреть, можно, пожалуй, проследить характерные черты творческого облика театра. И здесь в первую очередь надо сказать о стремлении к яркой зрелищности, театральности в лучшем смысле этого слова.

Театр стремится к созданию интересных, ярких, умных и веселых спектаклей. И если иной раз и не достигает цели, то только потому, что художественные и литературные недостатки той или иной пьесы не дают способным актерам развернуться. В частности, нечто подобное произошло в музыкальной комедии К. Листова «Севастопольский вальс».

Известно, что художественные достоинства каждого драматического произведения, положенного на музыку, определяются прежде всего его идеейной значимостью, причем музыка здесьносит не иллюстративный характер, а действенный, сливаясь с сюжетом в гармоническое целое.

Тем не менее при оценке музыкальной комедии нередко раздаются голоса, требующие своеобразной «амнистии» либо для музыки (ведь это оперетта!), либо для текста (это вам не Мольер!).

Оправдывать слабость сюжета или музыки, апеллируя к каким-то особенностям жанра, думается, нельзя.

Когда зритель приходит смотреть драму, трагедию или комедию, он настраивается на определенную «волну», служащую ему верным ориентиром и помогающую лучше разбираться и оценивать происходящее на сцене. Может ли оперетта представлять в этом смысле исключение? Нет, конечно. Хоть это и музыкальная, но комедия, и ничего другое! Потому-то и «Севастопольский вальс» следует рассматривать именно как комедию. Так и написано в афише: комедия в трех действиях. Что же происходит в ней?

Командир подразделения, обернувшего подступы к Севастополю, получает письмо от жены. Та извещает: полюбила другого. Моряк тяжело переживает горе, но в конце концов поддается новому чувству. После войны он встречается с изменницей, раскаивающейся и умоляющей о прощении. Но офицер остается тверд, как скала.

Подобную ситуацию не назовешь ни вымышленной, ни фальшивой. Но этот сюжет мог бы лечь в ос-

нову бытовой драмы, для завязки комедии он никак не годится.

Спешим говориться. Мы вовсе не ратуем за некий абсолют в комедийном жанре: раз комедия, так подавай смех во что бы то ни стало. Ведь известно, что диапазон комедии достаточно широк: от разящего и обличающего смеха Гоголя, не чужого драматических «Ночок» Островского, до уморительной шутки Чехова «Предложение». Но в любом случае комедийность основного замысла должна быть отправной точкой.

В «Севастопольском вальсе» же подлинная комедийность заменена шутками и остротами нередко сомнительного качества, эпизодами с претензией на юмор, но лишь утешающими и без того томительное действие. Чего стоит, например, ни к селу, ни к городу введенная сцена с четырьмя продавщицами мороженого или притянутый за уши концерт художественной самодеятельности, да и многое другое.

И все это тем более очевидно, что спектакль начинается с высокой героической ноты: оборона Севастополя в дни Великой Отечественной войны. Но на этом современное звучание оканчивается, в последующих актах разворачивается банальная история с пресловутым «треугольником». Какая уж тут современность! Ведь то, что составляет «главный нерв» действия, могло бы случиться в любое время, хотя бы и двести лет тому назад.

Драматургическая слабость и рыхłość формы пьесы поставила исполнителей в весьма затруднительное положение: им, собственно говоря, нечего играть. И артист Г. Гринер, исполнитель роли Аверина, и Л. Запорожцева (Любаша), и З. Иванова (Нина), и отличный комедийный актер Д. Пономаренко (боям) — все они пытались гальванизировать действие, но почти никому это не удалось.

Музыка, написанная известным композитором К. Листовым, намного лучше своего литературного собрата. Правда, в ней тоже нет драматургической цельности (видимо, «благодаря» сюжету). Она распадается на отдельные, во многом очень удачные номера.

Постановка (режиссер Б. Рябиков) отличается богатством фантазии и точностью мысли. Особенно впечатляет первый акт и его финал. Немалая заслуга принадлежит и художнику Л. Озерникову: оформление эффектно, отличается хорошим вкусом. Следует отметить высокий музыкальный уро-

вень спектакля. Дирижер Е. Выгорский уверенно ведет оркестр. Игра актеров, работа дирижера, режиссера и художника в известной степени скрывает чувство досады и неудовлетворенности, вызванное художественной слабостью пьесы.

Другая советская музыкальная комедия, поставленная театром, принадлежащим нашим бакинцам — М. Голубева, В. Быкова, заслуженной артистки Р. Уманской, Ф. Ищенко. Но «героем» спектакля, благодаря актерскому мастерству, живости темперамента, стал народный артист Украинской ССР Д. Пономаренко, исполнитель роли Колумба Христофоровича.

Работа постановщика А. Барсегяна талантлива и заслуживает большого одобрения. Молодой режиссер нашел интересные и впечатляющие средства для решения сценических задач.

Веселый водевиль, разыгрываемый на сцене, непрятзательен: две семьи, не поделив балкон с видом на море, поссорились, а затем, пройдя ряд «испытаний», помирились, объединенные счастьем своих детей.

Хотя и этот сюжет незначителен, в нем подкупает то, что развивается он по всем законам комедии ошибок, изобилует смешными ситуациями, а потому смотрится легко и с удовольствием. Пьеса, пожалуй, еще более выиграла бы, если бы автор пересмотрел текст и удалил из него остроты и шутки «времен очаковских и покоренья Крыма».

Хорошо, что В. Есьман не вывел на сцену в качестве «Монтекки» и «Капулетти» злых тупиц и обывателей, вроде Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича, разодравшихся насмерть из-за пустяка и отравивших себе и без того никчемную и нелепую жизнь. Семья профессора Кулиева и инженера Богданова в сущности — простые и хорошие. Но, как говорится, и на старуху бывает проруха: ведь добрые и подчас нелупые люди, поддавшись минутной слабости, могут наделать кучу несуразностей. Так и происходит в пьесе. Попутно выводятся и явно «отрицательные типы»: сын Богданова Мурик — стиляга и болтун; жена Колумба Христофоровича Стелла — молодящаяся и глупая особа.

Правда, некоторые образы спектакля недостаточно острой. Например, Мурик. Раз он стиляга, значит должен носить умопомрачительную сорочку и дрыгать ногами, изображая, наверное, модный танец. Этот образ настолько уже примелькался в литературе и кино, что на Мурика даже не обращаешь внимания. Выстрел оказался холостым. Стелла же — копия с эстрадного образа, созданного М. Мироновой и сделавшегося уже «классическим», — дама с претензиями, городящая на каждого шага несусветную чепуху.

Колумб Христофорович по сути — мелкий жулик и делец. Однако автор не углубил этот образ, а лишь слегка прошелся по нему, не осуждая и не высмеивая. В пьесе жулик выглядит этаким добрым дядюшкой, весельчиком и балагуром.

Хорошо и с любовью выписаны образы молодых людей: Алика (сын Кулиевых), Нонны (дочь Богдановых), Самеда (товарищ Алика), Шурочки (подруга Нонны). В них — море задора и энергии, неподдельного оптимизма. Да и сами «старики» очень привлекательны.

Благодарные сценические роли вызвали ответную реакцию исполнителей. На сцене действовали не заводные манекены, а живые люди с их маленькими и большими слабостями, с радостями и огорчениями. Отрадное впечатление

оставила игра Л. Запорожцевой (Нонна), В. Скobelевой (Шура). Р. Похвала (Самед) и других участников спектакля — М. Голубева, В. Быкова, заслуженной артистки Р. Уманской, Ф. Ищенко. Но «героем» спектакля, благодаря актерскому мастерству, живости темперамента, стал народный артист Украинской ССР Д. Пономаренко, исполнитель роли Колумба Христофоровича.

Работа постановщика А. Барсегяна талантлива и заслуживает большого одобрения. Молодой режиссер нашел интересные и впечатляющие средства для решения сценических задач.

Веселый водевиль, разыгрываемый на сцене, непрятзательен: две семьи, не поделив балкон с видом на море, поссорились, а затем, пройдя ряд «испытаний», помирились, объединенные счастьем своих детей.

Хорошо, что В. Есьман не вывел на сцену в качестве «Монтекки» и «Капулетти» злых тупиц и обывателей, вроде Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича, разодравшихся насмерть из-за пустяка и отравивших себе и без того никчемную и нелепую жизнь. Семья профессора Кулиева и инженера Богданова в сущности — простые и хорошие. Но, как говорится, и на старуху бывает проруха: ведь добрые и подчас нелупые люди, поддавшись минутной слабости, могут наделать кучу несуразностей. Так и происходит в пьесе. Попутно выводятся и явно «отрицательные типы»: сын Богданова Мурик — стиляга и болтун; жена Колумба Христофоровича Стелла — молодящаяся и глупая особа.

Правда, некоторые образы спектакля недостаточно острой. Например, Мурик. Раз он стиляга, значит должен носить умопомрачительную сорочку и дрыгать ногами, изображая, наверное, модный танец. Этот образ настолько уже примелькался в литературе и кино, что на Мурика даже не обращаешь внимания. Выстрел оказался холостым. Стелла же — копия с эстрадного образа, созданного М. Мироновой и сделавшегося уже «классическим», — дама с претензиями, городящая на каждого шага несусветную чепуху.

«Марица» великого мастера оперетты И. Кальмана, пожалуй, один из самых трудных спектаклей так называемого венского репертуара, хотя, казалось бы, есть и многолетние исполнительские традиции, есть каноны, созданные выдающимися актерами прошлого. Но именно в этом и заключаются трудности для тех, кто не хочет идти по проторенным дорожкам, кто ищет собственных путей для воплощения старой, но нестареющей оперетты. К части Киевского театра следует сказать, что в постановке «Марицы» нет ни штампов, ни заученных схем. За полвека своего существования «Марица» обошла все театры мира, и по сей день музыка оперетты покоряет удивительной пластичностью и богатством мелодий, народностью, искрометностью.

С текстом обстояло много хуже. Язык пьесы засорился двусмысленной отсебятиной, в нее вставлялись «пикантные» ситуации, решенные многими, особенно драматическими режиссерами, в подчеркнуто фривольном стиле. В

нашее время пьеса очищена от сорняков, дешевых острот кафешантанного типа, хотя и последний вариант текста не свободен от некоторых вульгаризмов. Постановку «Марицы» Киевским театром следует отнести к числу безусловных удач украинских мастеров. И это впечатление, возникшая сразу же после начала спектакля, от актера к акту усиливается. Все дело в том, что сразу же взят был правильный тон. Ощущение радостной приподнятости, непринужденности и легкости — именно то, что безраздельно царит в «Марице», — сумели передать актеры и оркестр.

Артистка З. Иванова играет Марицу без назойливой жеманности и нажима — просто и свободно. Хороши и Г. Гринер в партии Тасио. Актер нашел нужный рисунок роли, держится на сцене куда свободнее, чем играя Аверина в «Севастопольском вальсе». Просто и непринужденно играет Лизу артистка В. Скобелева.

Очень хороша старая графиня Божена. Народная артистка Украинской ССР В. Новинская проводит свою нелегкую роль с изрядной долей юмора, с чувством такта и меры. А ведь здесь так легко было впасть в шарж. К сожалению, не удержались от переигрывания артисты А. Голобородько и Д. Шевцов, заслуженный артист Украинской ССР. В их исполнении «нечистая пара» барон Зупан и князь Эстергази более смахивает на цирковых клоунов.

Этой постановкой режиссер заслуженный артист Латвийской ССР Б. Роцкин оставил по себе добрую память в театре. Отличные kostюмы и декорации (художник заслуженный деятель искусств А. Кноблок).

Способные актеры, хороший оркестр и дирижеры, талантливые режиссеры и художники приносят своему театру заслуженный успех.

З. СТЕЛЬНИК.